

Тимофей Надолин

Чаща

12+

Тимофей Надолин

ЧАЩА

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Надолин Т. В.

ЧАЩА / Т. В. Надолин — «ЛитРес: Самиздат», 2000

Четверо друзей, собравшихся на небольшой пикничок, оказались в совершенно другом мире, где правит не поддающийся описанию монстр, стремящийся прорваться в нашу реальность.

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	11
5	13
6	15
7	16
8	26
9	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

1

Электричка, мигнув огнями задней кабины, втянулась за поворот, и на единственного сошедшего с неё пассажира из леса прыгнула ночь. Было новолуние. И хотя небо было ясное, звёзды, такие яркие и красивые, не освещали предстоящей человеку дороги.

Несмотря на это, мужчина поправил ляжки рюкзака и уверенным шагом двинулся по давно известному пути.

Метров триста он прошёл не торопясь, ни на что не обращая внимания, но потом вдруг остановился и простоял минуты две, слушая мёртвую тишину вокруг. Даже электрички, которая отошла километра на три и остановилась на следующей станции, не было слышно.

Это было очень необычно. За свои сорок с небольшим лет он очень часто бывал в лесу, как днём, так и ночью, и всегда лес был полон каких-нибудь звуков. Шумели деревья, шуршала трава, ломалась сухая ветка, да и сам лес издавал какие-то звуки, присущие только ему. Сейчас же он как будто исполнял обет молчания.

Человек постоял ещё с минуту, ощущая, как беспокойство заползает к нему внутрь, разливаясь там глотком холодной воды, но так ничего и не услышав, двинулся дальше.

Звук собственных шагов немного успокоил. Подумаешь – тишина. Это лучше, чем когда в лесу горланили подвыпившие малолетки, приехавшие оторваться на природе. Просто нет ветра, и поэтому ничего не шумит, не шуршит и не ломается.

Вдруг он осознал, что всё ещё старается услышать, как электричка отходит от следующей станции. Даже днём это всегда было слышно, хотя станция находилась за горой и двумя поворотами, но сейчас с той стороны не доносилось ни звука, а по времени поезд должен был давно уйти.

Но это тоже легко объяснялось. Электричку могли задержать на станции по каким-то своим железнодорожным причинам.

И всё равно, вроде всё для себя объяснив, он не смог успокоиться. Какая-то враждебность как будто бы зависла над его головой, всматривалась ему в спину, подглядывала за ним из кустов, готовилась прыгнуть на него из-под ног.

Человек уже просто заставлял себя идти. Внутри плотно укрепился страх, безотчётный, непонятный, который всегда появляется неожиданно и так же неожиданно исчезает. Только на этот раз уходить он не собирался.

Он постарался думать о чём-нибудь постороннем, не об этой тишине, но ничего хорошего в голову не лезло.

Вдруг появилось сильное желание обернуться, как будто в спину кто-то смотрит, пристально и зло, но он не позволил себе этого, просто ускорил шаг. Так и шагал, почти бежал, смотря только себе под ноги. Перед глазами мелькали шпалы, как всегда уложенные через разные промежутки, и мелькали всё быстрее и быстрее. Он пытался считать их, чтобы отогнать страх, от которого уже начала болеть голова, но больше двух десятков насчитать не мог. Сбивался и начинал снова, и снова, и снова. Пока не понял, что голова болит уже не только от страха. Головная боль, начавшаяся несколько минут назад где-то в области затылка, теперь заполнила всю голову. Билась в висках, давила на лоб, пульсировала над бровями. В глазах замелькали какие-то цветные фигуры.

Еще через несколько секунд он почувствовал слабость в ногах и вынужден был остановиться. Пытаясь сбросить с себя это недомогание, человек помотал головой, но стало ещё хуже, настолько, что он даже пошатнулся. Поэтому он перестал двигаться вообще, закрыл глаза и просто стал ждать, когда непонятные боль и слабость пройдут сами собой.

Страха уже не было. Боль вытеснила и страх, и вместе с ним мысли. Да и тело он уже не ощущал. Только тупая ноющая боль, которая накатывала волнами и с каждой такой волной становилась всё сильнее и сильнее.

Человек застонал и опустил на колени. Оперевшись руками в брусок железнодорожной шпалы, он пытался хотя бы так сохранить равновесие. Но боль скрючила всегда такое послушное тело, и человек тяжело повалился на правый бок, сильно ударившись головой о рельсу. Из-за этого удара боль усилилась настолько, что из горла вырвался уже не стон, а хриплый крик. Но он не услышал даже его, потому что боль была и в ушах. Она была повсюду. Казалось, и одежда и рюкзак за спиной корчатся в конвульсиях.

Наконец тело устало. Борьба с этим непонятным недугом вымотала его настолько, что сил осталось только, что бы дышать. Но и дыхание причиняло боль. В горло, вместе с каждым вдохом, впивались миллионы иголок, а лёгкие как будто обливали кислотой.

Человек уже не пытался ни кричать, ни двигаться, ни даже внутренне бороться. Он просто лежал на рельсах и ждал, может, смерти, может, выздоровления.

Через минуту, после того как человек затих, в лесу, справа от него, между деревьями, появился тускло светящийся предмет. Он приближался к железной дороге, ловко лавируя на высоте трёх метров. Ни цвета, ни формы определить было невозможно, поскольку то и другое постоянно менялось. Меняющаяся форма помогала ему беспрепятственно двигаться, не задевая ни одного листочка. Одну, довольно толстую ветку он облетел, разделившись надвое. Обе половинки прошли в каких-то миллиметрах над и под веткой и тут же соединились, уронив при этом несколько то ли капель, то ли искр.

Предмет вылетел из леса прямо над лежащим человеком и, резко увеличившись в размерах, остановился. Форма его начала меняться с едва уловимой закономерностью. Он то удлинялся, то становился плоским, то выпуклым. У него начали появляться отростки, которые светились каждый своим светом, не только по цвету, но и по яркости. Видимо, он пытался принять форму лежащего человека, и через пару минут это ему удалось.

Полностью повторив и позу, и размер, и даже рюкзак за спиной, и остановившись на тёмно-красном цвете, Нечто немного повисело на своей высоте, потом начало медленно спускаться и остановилось в нескольких сантиметрах над лежащим человеком.

Оба замерли.

Человек, боль которого с приближением этого предмета усилилась настолько, что он наконец-то потерял сознание, ничего не видел и не слышал.

Его копия, повисев над ним несколько секунд, начала расплываться в стороны и вниз и вскоре полностью накрыла человека. Он оказался как бы под куполом с плоской вершиной, который светился нежно-голубым светом.

Ещё через несколько секунд предмет одним рывком собрался, до, видимо, привычных размеров и снова запульсировал разными цветами. Но каждый цвет, на этот раз, был ярче, чем предыдущий. И наконец буквально взорвался ярко-синим, на мгновение, осветив всё вокруг. И тут же снова стал таким же, каким пять минут назад вылетел из леса.

Через две секунды, так же не спеша, как и появился, светящийся предмет полетел дальше, точно по той же прямой, по которой он летел до этого, не отклонившись ни на один миллиметр. Через несколько минут он скрылся за деревьями.

Очень скоро ночь наполнилась привычными звуками. Шумел лес, шуршала трава, гудели провода и рельсы, на которых никого не было.

Человек пропал. Только на бруске шпалы остались отпечатки его ладоней.

2

Кто сказал, что рельсы убегают за горизонт?

Для Сергея они всегда убегали только за гору, которую он сам, ещё лет десять назад, назвал «Бронтозавром». Не надо было обладать слишком бурной фантазией, чтобы увидеть сходство с вымершим много миллионов лет назад исполинским ящером, который, вытянув шею, положил голову на землю и уснул. В ветреные дни на склонах «Бронтозавра» качались деревья, и казалось, ящер дышит, шевелится, живёт. Но сегодня погода была солнечная. Ни ветерка, ни дуновения. На небе ни облачка, и солнце в десять утра уже изрядно припекало.

Выйдя из электрички, Сергей сразу же, стянул футболку и сейчас шагал по рельсам, с удовольствием подставив солнечному теплу совсем не плохо развитый торс. С каждым шагом и без того хорошее настроение улучшалось.

Свежий воздух, солнце и предстоящая вечером встреча с Натальей помимо воли трогали его губы довольной улыбкой. Даже то, что весь день придётся вместе с отцом трудиться на садовом участке, а точнее на втором этаже в доме, не портило этой эйфории свободы. А если учесть, что вечером приедет Клестовский и привезёт пару бутылочек, то настроение не упадёт уже точно.

Так он и шагал до сада, всю дорогу едва заметно улыбаясь и глядя на «Бронтозавра», который так никогда и не проснётся.

Мать, как обычно, что-то делала на маленьком садовом участке, то ли подрезала усы у клубники, то ли ещё что-то.

– Привет!– громко крикнул он и прошёл в дом.

Повесив футболку на спинку стула, Сергей достал из шкафа рабочие штаны, быстро переоделся и, когда мать вошла в комнату, гаркнул:

– Готов к труду и обороне!

– Ты чего орёшь?– мать поморщилась.

– Командный голос вырабатываю!– по инерции продолжал хохмить он, хотя заметил, что матери не до шуток.

Мать выглядела усталой. Шалившее последнее время давление порой рисовало у неё под глазами тёмно-синие круги, вызывало головную боль и бессонницу. Сергей тут же заметил эти признаки.

– Что случилось?– уже серьёзно спросил он.

Она не ответила, вздохнула и пошла на кухню разогревать ему завтрак.

Сергей прошёл за ней, уселся за стол.

– А папа где?– спросил он.

– Это у вас надо спросить,– проворчала мать, мешая макароны на сковородке.

– Не понял.– Сергей удивлённо вскинул брови.– Он что, не приехал вчера? Он же вчера собирался поехать.

– Собирался или поехал?– уточнила мать, доставая из холодильника майонез и яйца.

Сергей понял, что прокололся. Он не ночевал дома, пользуясь тем, что родители уехали в сад. Они, конечно же, ничего бы не сказали, даже если бы были дома (не маленький всё-таки), но мать опять бы не спала всю ночь. Мать есть мать, и будь он хоть сорокалетний, всегда будет о нём беспокоиться. А ему было двадцать три – второй самый беспокойный возраст для родителей.

– Собирался,– нехотя ответил Сергей.– Но я не знаю, меня не было.

– Опять всю ночь где-то шлялся,— мать внимательно взгляделась ему в лицо, пытаюсь усмотреть признаки похмелья, и, не увидев, снова отвернулась к плите, на которой весело и аппетитно шкварчали яйца.

– Да мы у Лысого видак смотрели.

Он соврал только наполовину. Были они у Лысого, но видак, конечно, не смотрели. Он был включен, но никому не интересен. Друзья резались в карты. Под пиво, естественно, но не напиваясь, и поэтому никакого похмелья не могло быть.

Мать, ставя перед ним сковородку, посмотрела на него взглядом: знаю-я-ваши-видаки-ничего-мне-тут-заливать, но ничего не сказала.

Сергей, крутанувшись на табуретке, достал хлеб из стоящей на холодильнике хлебницы, отпластал себе толстенный кусок, взял поданную матерью вилку и стал с аппетитом поедать нехитрый завтрак.

Мать села напротив него, теребя в руках кухонное полосатое полотенце. Так и сидела, пока он ел, встав только за тем, чтобы налить сыну чаю.

– Что хоть смотрели-то?— спросила она, когда Сергей отодвинул пустую сковороду и, взяв кружку с чаем, сделал первый маленький глоточек.— Опять какие-нибудь ужасы.

Ей нравилось, как он рассказывает, и она знала, что он любит рассказывать.

– Да так, ничего особенного. Один только фильм мне очень понравился, «Шакал» называется.

Сергей смотрел его, конечно же, не этой ночью, но признаваться, что полночи резался в карты и пил пиво, не собирался.

– Единственная отрицательная роль Брюса Уиллиса и, по-моему, самая лучшая.

Он сделал ещё несколько глотков крепкого сладкого чая и, заметив, что мать ждёт продолжения, стал рассказывать.

– МВД и ФБР объединились против русской мафии и во время задержания в Москве убили родного брата крёстного отца. Тот, в отместку, объявил им войну. Нанял киллера экстра-класса, чтобы убить жену президента США. Вот этого киллера и играет Брюс Уиллис. В мире его знают в лицо только два человека, а найти его надо за несколько дней. Фэбээровец вообще про него сказал: «Шакал – это кличка профессионального убийцы, на счету которого несколько очень громких акций, но мы никогда не могли доказать даже самого факта его существования». Ну и вот как они его ловили и есть фильм.

– Поймали?

– Нет. Убили. Но это в кино. В жизни такие люди не ловятся. Это просто невозможно. Один там говорит: «... И насчёт ошибок. Шакал провёл двадцать лет в бизнесе, исключаящем любые ошибки, и остался жив. Вы думаете, он не справится? Вы ошибаетесь». А вообще, вот смотришь этот фильм и сначала, по инерции, болеешь за Брюса Уиллиса, потому что уже привык, что он вечно герой, во всех фильмах всегда всех спасает, а потом постепенно понимаешь, что он натуральный ШАКАЛ. Ему действительно человека зарезать – что высморкаться.

– Вот ты говоришь, что он натуральный ШАКАЛ,— мать довольно точно скопировала его интонацию.— А сам рассказываешь о нём так восторженно.

– Мам, я восторгаюсь не убийцей Шакалом, а Шакалом – профессионалом.

– Но убийцей – профессионалом,— уточнила мать.

– Не тем, ЧТО он делает, а тем, КАК он делает.

– Как он убивает,— поддела его мать.

– Давай я тебе по-другому объясню. Вот я кузнец, так? В кузнице ты у меня была и видела, что кузнец я довольно-таки хороший. Тебе понравилось смотреть, как я работаю?

– Понравилось, это интересно, только жарко.

– Ну вот. А если бы я делал какие-нибудь самурайские мечи, которыми людей режут, а не клинья в метрострой, тебе было бы не интересно? На всём свете есть только три вещи, на

которые можно смотреть вечно: это как горит огонь, как бежит вода и как работает человек. И, по-моему, профессионал достоин уважения, будь он хоть врач, хоть кузнец, хоть киллер.

– Ну ладно, профессионал, пока перекуриваешь после завтрака, сходи-ка за водой,– мать встала и начала убирать посуду со стола.

– Мам, ты что-то выглядишь неважно.– Сергей заглянул ей в лицо.– Ночью опять не спала?

– Боюсь я тут одна ночевать. Папа вчера не приехал, Стёпа куда-то с вечера умотал,– она кивнула на спящего на диване огромного полосатого кота.– Папа точно ничего не говорил? Может, на работе что?

– Не знаю.– Сергей сделал вид, что вспоминает, хотя точно помнил, что на работе никаких авралов не предвиделось.– Может опять авария какая-нибудь. Я вчера пораньше смылся.

С работы они ушли, как обычно, вместе с отцом, но Сергей решил соврать, чтобы хоть как-то успокоить мать.

– Не беспокойся, сегодня приедет,– он чмокнул мать в щёку.– Спасибо за завтрак,– чмокнул в другую.– Колонку не сломали ещё?

– Да нет, но говорят, что на неделе колодец почистили, так что ближе,– мать подала ему два ведра, одно вставленное в другое.

– А, двадцать метров не расстояние. Ладно, я помчал, а ты пока придумай мне занятие. Он чмокнул её ещё раз, увернулся от ответного поцелуя и выпрыгнул в дверь.

3

Полдень в любом коллективном саду самое рабочее время, независимо печёт ли солнце, или идёт дождь. Это не дача, чтобы отдыхать пузом кверху, тем более если саду не больше десяти лет. Работы в нём непочатый край, а времени на эту работу только два дня в неделю. И поэтому женщины трудятся, пытаются вырастить какой-никакой урожай, а мужчины для того чтобы женщинам было удобней. Первые копаются на огородах и в теплицах, вторые строят дома, бани, туалеты, те же теплицы. И делается всё это легко и даже весело, потому что делается это всё только для себя и ни для кого больше, а работа для себя, для своей семьи – это не работа, а удовольствие.

Сергей шагал на колонку и видел эту привычную уже картину. С тринадцати лет, с перерывом на два года, он со своими родителями создавал этот уголок труда и отдыха. Вместе с отцом, иногда привлекая то отцовских друзей, то его, возвели стандартный дачный дом, поставили баню, две теплицы, вырыли колодец, помогая между делом матери на огороде. И всё сами, своими руками, хотя отец был токарь, а он сам кузнец. Учились всему тут же, как говорится, на собственных ошибках и русских пословицах, которыми, когда мать не слышала, выражался отец. И если честно, получилось не очень плохо. А если совсем честно, то даже лучше, чем у некоторых. Единственное, что не нравилось Сергею, это то, что надо было сюда ехать и отсюда уезжать. То есть сам процесс езды. Полчаса на троллейбусе до вокзала, потом пятьдесят минут в переполненной электричке. Тоска! Но променять на сад где-нибудь в черте города он ни за чтобы не согласился, даже если бы тот находился в пяти минутах ходьбы от дома. Тут был лес, который он очень любил, река, на берегу которой очень хорошо было посидеть с удочкой. И не просто посидеть, а именно порыбачить, потому что рыба в реке водилась, несмотря ни на какие катаклизмы. И вообще, нравилось ему тут.

Друзья, те, кто здесь побывал хоть однажды, чуть ли не сами просились съездить ещё и ещё. Сегодня вечером тоже должен был приехать Андрюха Клестов. Ночью, за картами зашёл разговор, и они с Андрюхой условились, что Сергей встретит его на остановке электрички. Там же скинулись, чтобы Клестов (Сергей называл его Клестовский) прикупил пару бутылочек.

Несколько лет назад, ещё до армии, они нашли изумительное место. Прямо за садом, а вернее над ним, на горке, природа создала гостиную для тех, кто собрался просто посидеть пару часов. Тут было всё. Стол – большая каменная плита, почти ровная. Углубление для костра, заботливо обложенное камнями, а вокруг костровища удобные валуны, на которых могли разместиться человек шесть- семь, не мешая друг другу. А какой вид открывался из этой гостиной, просто словами не объяснить.

Сейчас Сергей как раз шёл вдоль подножия горы к колонке. Вечером он встретит Клестовского, они зайдут за Натальей и втроём, если Наталья приехала в этот раз без своей верной подруги Оксаны, будут сидеть в этой природной гостиной, пить вино, разговаривать, шутить. Это будет вечером. Сейчас полдень, но время пролетит быстро.

4

День, действительно, пролетел быстро. Отец почему-то так и не приехал, и Сергей, до семи часов вечера, помогал матери на огороде. Вдвоём они сделали за один день всё, что мать планировала на оба выходных, да ещё не очень упираясь. Сергей был доволен: и дело сделали, и мать не очень устала. Зная, что вряд ли вернётся до утра, перед тем как уйти, он изловил Степана и вручил его матери, которая, помыв посуду после ужина, смотрела телевизор.

Сейчас он сидел на остановке, распахнув телогрейку (обычную одежду для ночных походов), не спеша, с удовольствием курил и наслаждался лёгким ветерком. Погода стояла просто отличная. Небо, как и весь день, было ясное и солнце, уже почти сидевшее на спине «Бронтозавра», ласкало последними лучами землю.

До прихода электрички, на которой должен был приехать Клестовский, оставалось минут пять-десять. Сергей улёгся прямо на землю, примостив голову на очень кстати оказавшийся здесь камень, и стал смотреть на верхушки сосен, еле заметно раскачивающиеся под лёгким ветерком. Всё-таки он немного устал. Мускулы спины и рук чуточку ныли от многочасового орудования лопатой. Полностью расслабившись, он чуть не уснул – сказала бессонная ночь. Усилив воли стряхнув дремоту и поменяв позу, чтобы лежать было не так удобно, стал ждать, когда послышится шум приближающейся электрички.

И всё-таки он задремал, потому что услышал только, как скрипят тормозные колодки подходящего к остановке поезда. Быстро поднявшись, Сергей отбросил истлевшую до фильтра сигарету и подошёл ближе к рельсам, на ходу отряхивая штаны от приставших хвоинок.

С электрички сошло человек двадцать-двадцать пять, поэтому рассмотреть всех приехавших не составляло труда, особенно с того места, которое выбрал Сергей.

Клестовского не было.

Сергей стал быстро вспоминать, как он объяснил Андрюхе на какой остановке выходить. Вроде бы всё правильно, да и перепутать было трудно. Название у остановки – проще не бывает: «Четыреста семьдесят девятый километр», даже если циферки забудешь, другой станции с похожим названием нет больше на всей линии. Видать, у Клестовского что-то изменилось и он не смог приехать.

Сергей вздохнул. Электричка уже ушла, народ, сошедший с неё, протопал мимо, таща свои рюкзаки и сумки в сад. Ждать больше было некого. Сергей неторопливо достал сигарету, выудил из огромного кармана теляги зажигалку и тут увидел Клестовского, появившегося в конце платформы с двумя спортивными сумками в руках. Сумки, с виду, были тяжеловаты и, Андрей, заметив идущего ему навстречу Сергея, остановился и осторожно поставил их на землю.

– Ты чё, пешком пёр?– спросил Сергей, здороваясь с другом за руку.

– Пивком в электричке немного злоупотребил,– ответил Клестовский, подавая Сергею сумку побольше.– Кое-как дотерпел.

Он расстегнул вторую сумку и, немного позвякав, вытащил из неё две бутылки «Охоты»

– С приездом,– провозгласил он, ловко срывая пробки.

Сергей, закинув сумку на плечо, взял немного тёплую бутылку и с удовольствием сделал несколько больших глотков, опустошив её почти наполовину.

Клестовский отпил немного из своей, довольно крикнул и огляделся.

– Шагать далеко?– спросил он.

– Полчаса, если не торопясь,– ответил Сергей.– Вперёд.

Они шли по рельсам и болтали ни о чём, как могут болтать только два закадычных друга. Разговор ни на минуту не затихает, а если прислушаться, то смысла постороннему уху в нём

не уловить. Настроение у обоих было отличное. То ли само это место обладало какой-то положительной силой, которая заряжала на шутки и приколы, то ли просто чистый воздух, хорошая погода, свежее, хотя и чуть тёплое, пиво, как на дрожжах поднимали и без того хорошее настроение.

Солнце уже полностью скрылось за спиной «Бронтозавра», и над тёзкой исполинского ящера разлился нежно-розовый закат. Ветер стих полностью, и было немного жарковато, но друзья, открывшие уже по второй бутылке пива, чувствовали себя прекрасно.

– Ты чего там наложил?– спросил Сергей, перебрасывая тяжёлую сумку с одного плеча на другое.

– Как чего? По полной программе.– Клестовский отхлебнул пива.– Три поллитры, ящик пива, закусончик незамысловатый. Гулять, так гулять.

– А кто тебя таскать опять будет, с трёх-то пузырей?

– А я не собираюсь напиваться.

– Ты каждый раз не собираешься, а потом я тебя на руках ношу.

– Кто бы говорил.– Клестовский отбросил пустую бутылку, изображая возмущение.– А кто недавно песню орал на всю ивановскую. Буквы все позабыл, а всё туда же – поп-звезда.

– Ну весело мне было, вот и пел.– Сергей улыбнулся, вспомнив свою пьяную сольную партию на одной из вечеринок.– Я же не барагозил.

– А я, что, барагожу? Я вообще сразу спать ложусь.

– Ага, где стоишь, там и ложишься. Перешагивай потом через тебя.

Так, подшучивая друг над другом и прихлёбывая пиво, друзья подошли к воротам соседнего сада. Сергей снял с плеча сумку, поставил её на землю и, подойдя к забору рядом с воротами, двумя движениями перемахнул на ту сторону.

– Ты меня когда-нибудь научишь своим трюкам, Джеки Чан хренов?– в который раз за последнее время пристал Клестовский к Сергею, когда тот открыл ворота.

– Молодой ещё,– как обычно ответил Сергей, принимая у друга сумку и снова закидывая её на плечо.– Да и ростиком ты не вышел, и умом не удался.

– Да пошёл ты.– Андрей встал рядом.– Во, повыше тебя буду, и родился ты на год позже.

– Ты не выше, ты длиннее. И я не про возраст, я про ум.– Сергей легонько постучал пальцем по лбу Клестовского.– Умишко у тебя помладше моего будет. – Да пошёл ты.– Клестовский отмахнулся, пытаясь попасть по руке Сергею, но только взъерошил себе чёлку.

– Вот видишь, я к тебе интеллигентно обращаюсь, а ты «пошёл ты». Только ругаться и умеешь,– увидев что Клестовский опять собирается послать его, Сергей опередил.– Не ори, пришли уже.

В очередной раз поставив на землю изрядно оттянувшую плечо сумку, он не очень громко, но очень похоже просвистел нехитрую мелодию «Заходите к нам на огонёк», достал пачку сигарет и, открыв её, протянул Клестовскому. Тот, чуть покопавшись, извлёк сигарету и, подождав, пока Сергей достанет себе, чиркнул зажигалкой.

– Так, Андрюха,– Сергей выдохнул дым, чуть приподняв голову.– Наталья ничего про меня не знает. Ни про то, где я служил, ни про то, кем. Понятно?

– Как будто я это знаю.– Клестовский вертел головой, пытаясь угадать, откуда появится девушка.

– Ну вот и не заикайся даже, ты же знаешь – я человек скромный и...

– Ой-ой, скромняга выискался. Ладно, ладно, я понял. Учту,– замахал он руками, и увидев что-то через плечо друга, прошептал.– Во, они, что ли?

Сергей обернулся.

5

Человек пошевелился. Его веки задрожали, из полуоткрытого рта вырвался шумный, с хрипотой, вздох. Наконец сознание постепенно стало заполнять голову, и вместе с ним вернулась боль. Но сейчас она медленно затихала. И всё-таки человек ещё минут пять не мог ничего сообразить, потому что боль мешала собраться с мыслями. Вскоре она настолько утихла, что человек перестал стонать и только тяжело дышал. Но наконец и дыхание стало нормальным. Человек попытался встать, и это ему удалось сравнительно легко, несмотря на довольно сильное головокружение. Утвердившись на ногах, он повернул голову направо, затем налево и, кроме леса, окружавшего его со всех сторон, ничего не увидел. Сколько он был без сознания, человек не представлял, а, посмотрев на часы, увидел, что они остановились без пятнадцати двенадцать. Он снова посмотрел по сторонам и, так как смог что-то рассмотреть в довольно густом лесу, решил, что уже раннее утро.

Боли уже не было совсем. Напротив, он чувствовал себя прекрасно. Ничего не болело, ничего не мешало, даже свежая шишка на голове, которую он поставил, упав на рельс, не напоминала о себе. Он даже потрогал её, но боли не почувствовал. Продолжая прислушиваться к внутренним ощущениям, человек снова стал осматриваться по сторонам. Густой, почти первобытный лес кругом. Высокая, по колено, трава, мощные стволы сосен, уходящие в начинающее светлеть небо. В нескольких метрах впереди начинались заросли папоротника, а у самой ноги стоял большущий красный мухомор. Человек стоял на склоне горы и, так как не мог определить, где он находится и куда ему идти, то решил подняться на вершину, чтобы осмотреться. Пнув по пути мухомор, который ушуршал куда-то вправо, человек стал подниматься вверх.

Поднявшись на вершину и при этом даже не запыхавшись, он снова стал осматриваться, но, кроме леса, ничего не смог рассмотреть. Определив по более сильному свечению неба стороны света, он всё же не смог узнать места, где находился. И самое странное, он не мог понять, как попал сюда. Может быть, он потерял сознание, а потом, как лунатик, ушёл. Но тогда он должен был уйти очень далеко, потому что не узнавал этих мест, а все леса вокруг сада он знал очень хорошо, излазив их в поисках грибов и ягод. Он никогда не страдал лунатизмом – это раз. И если он шагал всю ночь, почему тогда не чувствовал никакой усталости? Или лунатики не устают? Тут что-то не так.

Сняв рюкзак и положив его себе под ноги, он достал из кармана пиджака нераспечатанную пачку «Тройки» и, открыв её, ногтями подцепил сигарету. Прикуривая от спички, человек вдруг заметил слева от себя какое-то движение, быстрое и почти не заметное. Щелчком отбросив спичку, он медленно повернул голову в ту сторону.

Мать твою!

В нескольких метрах от него, среди папоротников, стоял огромный волк. Он был настолько огромен, что его жёлтые спокойные глаза были на уровне груди человека, а в плечах он был даже пошире. Человек невольно попятился. Зверь просто стоял и смотрел, не проявляя никакой заинтересованности, только уши еле заметно подрагивали, видимо улавливая звуки, не различимые человеком. Чувственные ноздри вздрогнули, почуяв незнакомый, противный запах горячей сигареты, и волк недовольно заворчал. Потом тряхнул огромной башкой и чихнул, на секунду обнажив жёлтые длиннющие клыки. Человек замер, боясь пошевеливаться, но волка он, видимо, не интересовал. То ли зверь был сыт, то ли не встречал ещё такое существо и просто не знал, что с ним делать. Постояв ещё несколько секунд и пару раз втянув носом незнакомый запах, волк медленно, лениво повернулся и, раздвигая мощной грудью высокие папоротники, двинулся под гору.

Когда он, совершенно бесшумно, скрылся в гуще леса, человек облегчённо вздохнул и глубоко затянулся горьким дымом сигареты. Так и стоял, жадно затягиваясь, раз за разом в ожидании, когда сердце, стучавшее где-то в горле, вернётся на своё привычное место.

Откуда здесь мог оказаться волк, да ещё такой огромный? Давно уже всё зверьё разогнали коллективными садами, которые плодились почти друг на друге. Грибы, ягоды ещё можно было найти, но звери здесь не встречались уже лет семь, так только, если бурундучок через дорогу сиганёт да лягушки около речки поквакают. Вот и вся фауна.

Тем временем почти совсем рассвело и стали видны более мелкие детали окружающего леса. Мощные, в два обхвата, сосны, каких он никогда не видел около сада, подпирали своими кронами светящее небо. В высокой траве россыпь крупной земляники, на вид такой аппетитной, что он, присев на корточках, сорвал с дюжину ягод и закинул их в рот. Вкуса не почувствовал, не потому что они были безвкусные, а потому, что голова была занята другими проблемами.

В такой идиотской ситуации он ещё не был. Не знать где он и, самое идиотское, не помнить, как сюда попал. Но самое главное – в какую сторону идти? Сидеть и ждать, что его кто-нибудь найдет, было очевидно глупо. Человек прислушался, пытаясь услышать звуки цивилизации, хотя бы шум поезда или машины. Машинально срывая и кидая в рот землянику, он просидел на корточках минут двадцать, но услышал только привычные звуки леса, которые, как ни странно, успокоили его настолько, что он смог составить план, как выбраться из этого незнакомого леса. Сначала надо идти в сторону, где, по его расчётам, находились сады, потому что если идти туда, то, даже если садов там нет, что просто невозможно, всё равно выйдешь или к деревне, или к реке, или к железной дороге. В общем, куда-нибудь он всё равно выйдет.

Человек поднялся, закинул за спину рюкзак и, поправляя на ходу лямки, пошёл в ту же сторону, в которую ушёл волк.

6

Сергей обернулся.

Его не раз просили и друзья и родители описать девушку, с которой он встречается, и он никогда не понимал, как это можно сделать. Рассказать, какой у неё рост, что у неё прекрасная фигура, светлые волосы, зелёные глаза, нежный цвет лица и так далее. Но это же так убого! Как вообще передать словами те чувства, которые испытываешь, когда видишь её? Если бы можно было слова заменить пением птиц, цветами радуги, журчанием воды, то и тогда не было такой возможности. Как описать эту походку, когда девушка подходит именно к тебе, этот грациозный наклон головы, подставляющий нежную щёчку для приветственного поцелуя, этот весёлый блеск глаз во время смеха... По этой же причине Сергей очень редко говорил комплименты. Фраза: «Сегодня вы прекрасно выглядите» вообще повергала его в недоумение. Сказать такое женщине всё равно, что сказать, что вчера она выглядела плохо. Ну а в остальном та же проблема.

Как словами передать свои чувства, он отчаянно не представлял.

7

Сергей обернулся. Девушки подошли уже достаточно близко, но он всё-таки сделал три шага навстречу.

– Здравствуй, – негромко сказал он и, чуть приобняв Наталью за талию, поцеловал в щёку.

– Привет, – она незаметно для других прижалась к нему и тут же отстранилась.

– Привет, Оксана, – поздоровался Сергей со второй девушкой, – Это Андрей, – представил он Клестовского.

Клестовский шутовски козырнул – первая стадия опьянения.

– После двух бутылок пива любит слегка повыпендриваться, но не всегда, – скорее для Клестовского, а не для девушек сказал Сергей.

Андрей понял и тут же перестал паясничать.

– А нам пива оставили? – Наталья лукаво посмотрела на Сергея.

– Конечно, – ответил он, а Клестовский просто позвенел в сумке бутылками.

– А мы, как обычно, «ложку» взяли и закусить. – Наталья похлопала по карманам своей телогрейки. – Подождите, пойду, выложу, чтоб не таскать с собой.

Она развернулась и даже успела сделать пару шагов, но Сергей поймал её за полу телогрейки.

– Не надо, – он потянул девушку назад. – Пригодится. Клестовский тут ещё одну сумку притаранил, – Сергей легонько пихнул ногой стоявшую на земле сумку, которая отозвалась характерным звоном.

– А там чего? – Наталья повторила движение Сергея, сумка тут же ответила.

– Как чего? То, что вы только и пьёте. – Сергей улыбнулся.

Это была старая шутка. Во время первой встречи девчонки, сами не зная почему, вдруг сказали, что из горячительных напитков пьют только водку, причём только «Русскую», и хотя с тех пор прошло много времени и было выпито не то чтобы много и водки, и вина, и пива, всё равно это осталось дежурной шуткой, какая имеется в любой компании.

– Ну, тогда пошли. – Наталья взяла Сергея под руку.

Сергей свободной рукой подхватил сумку с земли, легко закинул её на плечо и, подав Клестовскому многозначительный знак глазами в сторону Оксаны, пошёл вперёд, увлекаемый Натальей.

Клестовский поправил сумку на плече, бросил на землю недокуренную сигарету, аккуратно растоптал её подошвой и...

Оксана уже шла за удаляющейся парой.

Андрей вздохнул, зачем-то снова поправил сумку и пошёл догонять девушку, про себя решая, какое поведение выбрать, чтобы ему больше не устраивали таких обломов. Ведь он уже настроился элегантно подать Оксане руку и даже придумал слова, которыми начнёт разговор, а она просто взяла и пошла вперёд.

Облом!

Через несколько шагов Андрей догнал девушку, но не стал ни предлагать руку, ни начинать разговор. Он просто пошёл рядом. Так они и шли: первая пара, весело болтая, вторая в напряжённом молчании, глядя в разные стороны.

Сергей с Натальей забрались на гору, держась за руки. Клестовский с Оксаной отстали, и Сергей воспользовался этим, чтобы ещё раз поцеловать Наталью, уже в губы. Тонкие, упругие губы девушки раскрылись ему навстречу, но уже через несколько секунд Наталья отстранилась.

– Идут, – прошептала она.

Сергей вздохнул, выпустил девушку из своих объятий и тут же, быстро подавшись вперёд, чмокнул её в щёку.

– Медведь.– Наталья грациозно повела плечами.– Раздавишь когда-нибудь.

– Раздавлю,– сняв с плеча сумку, Сергей снова привлёк Наталью к себе.

– Ну хватит, хватит,– она поцеловала его.– Шагай лучше за дровами.

– Сейчас, Клестовский приползёт. Чё я один, что ли, пойду?– он всё-таки разжал руки.

– А почему Клестовский?– спросила Наталья.– Опять ты придумал?

– Клестов, Клестовский, чёрт его знает.– Сергей поднял сумку, поставил её на плиту, которая служила столом, и вжикнул молнией.

На гору наконец-то забрался Клестовский. В начале подъёма он всё-таки предложил Оксане руку и теперь помогал ей преодолеть последние метры.

– Запыхался, что ли?– Сергей снял у него с плеча вторую сумку и поставил её рядом с первой.– Давай разворачивайся, за дровами попилили.

Сергей снял телогрейку, бросил её рядом с сумками и первым начал спускаться с горы. Клестовский, боясь потерять его в темноте, не отдышавшись, поспешил за ним, что-то ворча себе под нос.

– Ты чё бурчишь?– спросил Сергей, когда Андрей догнал его.

– Так, ругаюсь,– ответил тот.– А ты чего разделся, комаров кормить?

– Меня здесь все комары в лицо знают.– Сергей подхватил оступившегося друга.– Под ноги смотри.

– Так не видно же ни хрена.– Клестовский чертыхнулся, снова споткнувшись.– Где дрова-то искать?

– Места знать надо.

Место Сергей действительно знал. Подойдя к забору в определённом месте, он раздвинул предварительно оторванные доски и, сказав другу, чтобы тот подставил руки, стал через дыру вытаскивать аккуратно нарубленные поленья.

– Шагай,– прошептал он, когда у Клестовского набралась полная охапка.

Андрей пошёл обратно на горку, внимательно глядя себе под ноги, а Сергей, наполовину просунувшись на другую сторону, прихватил ещё пару пеньков, сложенных в другую поленницу. и, аккуратно прикрыв лаз, быстро и уверенно направился вслед за другом. Догнав Клестовского, он переложил половину дров себе, приговаривая:

– Ну вот, а ты говоришь темно, не видно ни хрена.

– Хищение частной собственности,– многозначительно изрёк Клестовский.– Уголовно наказуемо.

– Ничего, у него не убудет.– Сергей пошёл вперёд.

– У кого?

– У председателя,– ответил Сергей, безошибочно переступая в темноте через камень.– Осторожно, не споткнись.

– Экспроприация экспропри-пря-торов,– пропыхтел сзади Клестовский.

– Ты чё, буквы от натуги попутал?

– Сам придумал,– обиделся Андрей и повторил.– Экспроприация экспроприпраторов.

– Ну, прямо Маяковский.– Сергей расхохотался.

– Почему Маяковский?– Клестовский уже сбивался с дыхания.

– А тот тоже новые слова выдумывал.

Продолжая смеяться, Сергей, прыгая с камня на камень, преодолел последние метры и аккуратно сложил свою ношу в метре от костровища. Запыхавшийся и что-то недовольно бурчащий Клестовский остановился рядом и бросил дрова под ноги.

– Чего смеётесь?– спросила Наталья, невольно улыбаясь.

– Да Клестовский тут русский язык новым словом пополнил.– Сергей, всё ещё смеясь, присел у кучи дров и стал собирать ветки потоньше.

– А он меня Маяковским обозвал,– притворно сокрушался Андрей.

– А почему Маяковским?– задала тот же вопрос Наталья.

Пока Клестовский объяснял, почему его так обозвали, Сергей, выбрав пару подходящих поленьев, вытащил из сапога собственноручно откованный нож и стал расщеплять их на щепки. Справившись с этим за минуту, он сложил их в центре костровища, поджёг зажигалкой одну оставшуюся в руке и, подождав, когда она разгорится, сунул в самый центр кучи. Пламя тут же перекинулось на тонко наструганные щепки и стало оформляться в небольшой пока костерок. Сергей быстро и аккуратно наложил в костёр дров, вниз потоньше, сверху уже нормальные поленья, и, немного отодвинувшись, сел на один из камней.

– Андрюха, кинь сигаретку,– попросил он.

Клестовский, продолжая рассказывать очередной анекдот, кинул через разгоревшийся костёр пачку, специально в сторону от Сергея, краем глаза наблюдая за другом. Сергей просто вытянул руку и как будто не поймал сигареты, а взял их прямо из воздуха.

– Ну а дальше что?– Оксана перестала резать хлеб и посмотрела на Андрея.

– Что?– следя за Сергеем, Клестовский забыл про свой рассказ.

– Слон сбежал из зоопарка. И...?

– А! Ну, значит, слон сбежал из зоопарка. Через некоторое время в ментовку звонит пьяный мужик: «У меня на огороде какое-то огромное серое чудовище хвостом капусту рвёт». – «И чё с ней делает?». – «Если я вам скажу, вы мне не поверите».

Весёлый девичий смех птицей взлетел в небо.

Сергей смотрел на огонь и улыбался. В голове как-то сами собой родились строчки:

Вот любимая девушка рядом,

Закадычный, проверенный друг.

Небо звёздным ласкает нас взглядом.

Свет костра – заколдованный круг.

– Эй, ты чё там прибалдел?– вырвал его из поэтических раздумий громкий голос Клестовского.

– Да так, задумался.

– Задумчивый ты наш.– Клестовский протянул ему стакан, на четверть наполненный водкой.– Может поднести?

– Я не гордый, сам подойду.– Сергей поднялся.

Подбросив в костёр лежащее рядом полено, он подошёл к импровизированному столу и взял у Андрея стакан.

– Ну-ка, выдай-ка что-нибудь для вдохновения,– настроение у Клестовского явно повысилась.

Сергей сделал вид, что вспоминает что-то серьёзное, глядя через стакан на огонь, и, немного подождав, торжественно произнёс:

– Ну, будем толстенькими.

Одним глотком опустошив стакан, он громко крякнул и, взяв кружочек солёного огурца, аппетитно захрустел.

– Не могу рядом с ним находиться, когда он ест,– сказал Клестовский, вновь наполняя стакан.– Он жуёт не как все нормальные люди, молча, спокойно. У него там чего-то щёлкает, булькает. Так аппетитно получается, что самому хочется чего-нибудь пожевать. Прошу,– он протянул стакан Оксане.

– А ты?– спросила девушка.

– Разливающий пьёт последним, чтобы если и обделит кого-то, то только самого себя.

– Ты себя обделишь, как же.– Сергей достал две бутылки пива и ловко открыл одну об другую.

– Попрошу не вмешиваться в трудоёмкий процесс наливания. Пива лучше дай, открыл и держит.– Клестовский забрал у Сергея открытую бутылку и передал Оксане.– Водка без пива – деньги на ветер.

– А водка с пивом – мозги на ветер.– Сергей сел рядом с Натальей.

Она тут же подвинулась поближе и слегка навалилась на него.

– Это смотря в каких пропорциях,– парировал Клестовский.

– Ну, совсем запугали.– Оксана устроилась поудобнее и, держа в одной руке бутылку с пивом, а в другой стакан, стрельнула глазами в Андрея.– Толстенькими, так толстенькими.

Она отпила половину того, что было налито в стакане и, не переводя дыхания, сделала несколько глотков пива.

– Во, больше разговоров было.– Клестовский одной рукой взял у неё стакан, а другой подал бутерброд с ветчиной.

Костёр разгорелся уже так жарко, что Клестовский, наливая водку, отодвинулся подальше.

– Похолодней не мог развести,– проворчал он передавая стакан Наталье.

– Похолоднее в холодильнике,– бросил Сергей, извлекая из костра уголёк, чтобы прикурить сигарету.

Прикурив, он поправил костёр так, чтобы дрова образовали сверху более-менее плоскость и водрузил на неё один пенёк.

– Куда ты ещё накладываешь?– Клестовский отодвинулся ещё дальше, но поближе к Оксане.– И так хорошо горит.

– Пока эти дрова прогорят – пенёк займётся. А он один полночи будет гореть,– объяснил Сергей своё усердие.– Корни знаешь как классно горят.

Сергей снова уселся рядом с Натальей и вдруг почувствовал, что в окружающей обстановке что-то изменилось. Нет, не здесь, где сидели они, а там, куда не доставал свет костра. Что-то было там, в темноте, и это что-то было настроено отнюдь не дружелюбно. Он стал незаметно для других, оглядываться по сторонам, пытаясь если не увидеть, то хотя бы почувствовать, откуда ждать опасность.

Это почти забытое за три года чувство буквально заполнило всё его тело. И тело привычно ответило. Голова стала ясной, посторонние мысли мигом улетучились, мускулы напряглись. Наталья, прислонившись к нему, поняла, что с Сергеем что-то происходит. Она попыталась заглянуть ему в глаза, но Сергей не заметил этого. Он смотрел куда-то мимо неё, в темноту.

– Ты чего?– спросила девушка, толкнув его локтём в бок.

Ответить Сергей не успел.

Яркая, белая вспышка ослепила всех четверых. И хотя они сидели лицами друг к другу, все несколько секунд не могли ничего видеть, потому что свет шёл отовсюду, как будто каждая молекула воздуха сработала как фотовспышка. Оксана вскрикнула, Клестовский, совсем непечатно, выругался, Наталья машинально уткнула лицо в грудь Сергею. Сам он просто крепко зажмурил глаза и, понимая, что страшного ничего с ними не случилось, спокойно сидел и ждал, когда зрение восстановится. Весь обратившись в слух, он опустил правую руку к сапогу, за голенищем которого лежал нож, а левой крепко обнимал Наталью за плечи, не давая ей убрать голову с его груди, чтобы новая вспышка, если такая последует, не ослепила её вновь. Но вокруг стояла тишина, только с той стороны, где сидел Клестовский, слышалось тихое бормотание и какая-то возня.

Сергей осторожно приоткрыл веки. В глазах всё ещё плясали зайчики, как после нечаянного взгляда на электросварку, и пришлось ещё с минуту подождать. Наконец большинство зайчиков ускакало и он смог рассмотреть, что происходит.

Ничего не происходило.

Клестовский усиленно тёр глаза кулаками, умудряясь не пролить ни капли из зажатого в правой руке стакана. Оксана часто-часто моргала, вытирая рукавом выступившие слёзы. Косметика потекла, и девушка размазала её по щекам. Получились два тёмных пятна, как будто румянец, только в свете костра он выглядел почти чёрным, неестественным.

Наталья подняла голову и посмотрела в глаза Сергею.

– Что это было?– спросила она, сильнее прижимаясь к нему.

Сергей пожал плечами, успокаивающе поглаживая девушку по спине.

– Ни хрена себе сверкнуло!– Клестовский перестал тереть глаза и теперь смешно вращал ими, пытаясь что-нибудь рассмотреть,– Серёга, ты чего в костёр подложил, взрывпакет, что ли? Шутник, твою мать!

Сергей ничего не ответил. Убедившись, что со всеми всё в порядке, если не считать макияжа Оксаны, он снова прислушался к своему чувству. Ощущение опасности пропало, но всё равно что-то его беспокоило. Наверное, не до конца восстановившееся зрение и было причиной этого беспокойства.

Никто из них не посмотрел вверх, лишь Клестовский, стараясь удержать выступившие от частого моргания слёзы, задрал голову, но то, что он увидел, Андрей посчитал очередным зайчиком, которые плясали в глазах после вспышки.

Над ними, почти прямо над костром, на высоте примерно десяти метров, висел тускло светящийся предмет. Постоянно, через равные промежутки времени, меняя свой цвет и слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Он как будто наблюдал за сидящими внизу людьми. Формой он напоминал прямоугольный треугольник, только один из острых углов был немного закруглён. Этот угол находился как раз над тем местом, где сидели Наталья и Сергей, а два других угла были направлены в сторону Оксаны и Клестовского. Через некоторое время форма предмета начала меняться. Сначала он стал идеально круглым, затем вытянулся в тонкую вертикальную полосу, концы полосы стали загибаться друг к другу, образуя окружность. Прodelывая все эти превращения, предмет поднялся ещё на пару метров и не спеша полетел в сторону реки.

– Не, Серёга, чё за шутки, в натуре?– Клестовский обиженно нахмурился. – Да делать мне больше нечего,– пробурчал в ответ Сергей.

– Я, понимаешь, только выпить собрался.– Клестовский продолжал обижаться.– А тут ты со своими спецэффектами.

Клестовский посмотрел на стакан в правой руке и, убедившись, что не пролил водку, гордо произнёс:

– Нас так просто с истинного пути не собьёшь.

Он одним махом опрокинул водку в рот и шумно стал занюхивать её кусочком ветчины.

– Правда, что ли, твоя работа?– Наталья удивлённо отстранилась.

– Да слушай ты его больше.– Сергей помотал головой.– Нет, конечно.

Голос из темноты прозвучал настолько неожиданно, что все вздрогнули, а Оксана тихонько ойкнула.

– Алкоголь пьянствуем?

В свет костра шагнул мужчина лет пятидесяти с рюкзаком за плечами.

– Привет, пап.– Сергей удивлённо поднялся.– Ты откуда?

– Да вот, шёл, увидел огонёк, завернул,– ответил отец, снял рюкзак, положил его рядом с кучей дров и усталю опустился на камень.

– Дядя Саша, пятьдесят капель?– Клестовский протягивал стакан.

– Обязательно. И закусить.

Он медленно, маленькими глотками выпил водку и откусил сразу полбутерброда поданного Сергеем.

Пока отец жевал, Сергей удивляясь, всё больше и больше, осматривал его. Усталое, даже какое-то осунувшееся лицо с несколькими царапинами, взъерошенные волосы, правый рукав пиджака порван чуть повыше локтя, ноги по колено мокрые, с прилипшими к брюкам и летним туфлям травинками и сосновыми иголками.

– А девушка что плакала?– вдруг спросил дядя Саша, показывая на Оксану.

– Ой.– Оксана посмотрела на Наталью.– Размазала, да?

Наталья подсела поближе к подруге и достала из кармана маленькое круглое зеркальце и платок.

Пока девушки занимались приведением Оксаны в божеский вид, Клестовский снова наклонил бутылку над стаканом. Набулькав четверть, он протянул стакан Сергею со словами:

– Держи, шутник.

Сергей, продолжая смотреть на отца, не глядя взял стакан и быстро проглотил водку. Отдав Клестовскому посуду, он взял бутерброд, но закусывать не стал, а снова протянул его отцу. Тот молча съел и его.

Наталья, смачивая платок языком, стирала со щёк Оксаны размазанную косметику, Клестовский балагурил, подавая ей различные советы и пытаясь убедить Оксану, что боевая раскраска индейцев ей очень к лицу. Все трое тихонько смеялись, видимо стесняясь отца Сергея, который, отрешённо уставившись на костёр, жевал очередной бутерброд.

– Что случилось?– спросил Сергей, садясь рядом с отцом.

Дядя Саша оторвал взгляд от огня и устало посмотрел на сына.

– А ты ничего не заметил?– в свою очередь спросил он.

– Нет,– ответил Сергей, чувствуя как беспокойство снова заползает внутрь.– Что я должен заметить?

– Посмотри вокруг,– просто сказал отец и взял у него из рук ещё один бутерброд.– Попить есть что-нибудь?

Сергей поднялся, вытащил из сумки бутылку пива, открыв её об камень, передал отцу, а сам, отвернувшись от костра, стал смотреть в темноту.

Они разговаривали в полголоса и ни Клестовский, ни девушки ничего не слышали, увлечённо и весело приводя Оксану в порядок.

Темнота была непроницаема и свет от костра, который хоть и находился сейчас сзади Сергея, мешал рассмотреть что-нибудь в этой темноте. Сергей сделал несколько шагов от костра и чуть не упал. Он точно помнил, что там, куда он поставил ногу, должен быть камень, но его там не было и Сергей, попав ногой в пустоту, кое-как сохранил равновесие. Пройдя ещё немного вперёд, он остановился и с минуты ждал, когда глаза привыкнут к темноте.

То, что он увидел, а точнее то, чего он не увидел, просто не могло уложиться в голове. Вокруг него был лес и ничего, кроме леса. Сергей зажмурился, помотал головой, не веря своим глазам, и снова посмотрел вокруг. Ничего не изменилось: тот же лес и справа, и слева, и спереди. Сзади него горел костёр, но Сергей почему-то был уверен, что и за костром увидит ту же картину.

Он медленно вернулся к остальным, пытаясь осмыслить увиденное, но в голове царил полный сумбур. Машинально достав сигарету, Сергей присел около костра, высматривая удобную веточку, от которой можно прикурить, но курить не хотелось. И всё равно, несмотря на это, он взял первый попавшийся уголёк и, обжигая пальцы, запалил сигарету. Глубоко затянувшись и краем уха слыша весёлую перебранку Клестовского с девочками, Сергей снова уселся рядом с отцом.

– Это что, сон, что ли?– шёпотом спросил он.

– Ага, я со вчерашнего вечера сплю,– устало ответил отец.

Сергей чуть не поперхнулся сигаретным дымом.

– Не понял,– он удивлённо уставился на отца.– Как со вчерашнего вечера?

– Вчера последней электричкой приехал. Как с матерью и договаривались, шёл по рельсам, вдруг плохо себя почувствовал. Голова сначала заболела, а потом вообще сознание потерял,– дядя Саша достал сигарету и нагнулся к костру.

Сергей молча курил, ожидая, когда отец продолжит свой рассказ. Прикурив, дядя Саша сделал несколько глубоких затяжек, как будто вздыхал.

– Без сознания был всю ночь,– продолжил он.– Очнулся, когда уже светало, посреди леса. Целый день пытался куда-нибудь выйти. Вышел вот к вам.

Отец снова вздохнул-затянулся. Сергей ошеломлённо молчал. Чтобы отец заблудился в лесу, надо было завязать ему глаза, заткнуть уши, чтобы он ничего не видел и не слышал, да и то, наверное, по запаху выйдет.

– А самое интересное,– отец задумчиво смотрел на огонь.– Не было вас здесь ещё десять минут назад. Я понизу шёл, на горке была полная темнота, и разговоров ваших тоже не слышал. Потом что-то сверкнуло и сразу свет от костра появился. Подождал немного, потом узнал твой голос.

Он снова замолчал, взял стоявшую между ног бутылку пива и, запрокинув голову, отпил. Поставив бутылку обратно, дядя Саша посмотрел на Сергея и, увидев выражение лица сына, толкнул его локтём в бок.

– Рожу попроще сделай, девчонок напугаешь.

Сергей выкинул в костёр недокурную сигарету и растёр лицо ладонями, пытаюсь прийти в себя. Кое-как это ему удалось, но в голове не было ни одной стоящей мысли, которая могла бы объяснить всю эту безумную ситуацию. Посмотрев на Клестовского и девушек, которые, не замечая странных изменений вокруг и не слыша тихий рассказ отца, сообща сооружали новые бутерброды, смеясь и мешая друг другу, он решил пока ничего им не говорить, потому что сам ещё ничего не понимал. У отца, видимо, тоже никаких ответов не было, иначе он бы сказал.

– Так,– взяв себя в руки Сергей казался полностью спокойным.– Пойду-ка я прогуляюсь.

– На ход ноги,– тут же среагировал Клестовский и, быстро налив водку в стакан, протянул его Сергею.– Давай вмажем и я тоже с тобой пойду.

Сергей взял стакан и не как обычно, одним глотком, а потихонечку выцедил водку сквозь зубы. Горечь и крепость обожгли горло и помогли ему окончательно увериться в том, что он не спит.

– Серёжа, закуси.– Наталья подошла к нему с бутербродом в руке.

Он взял её за запястье и, приподняв, откусил бутерброд, легонько прикоснувшись губами к её пальцам.

Подождав, пока Клестовский нальёт всем (сначала дяде Саше, затем Оксане, Наталье и потом только себе), Сергей доел оставленный ему Натальей бутерброд и, изображая нетерпение, проворчал:

– Ну, ты идёшь, нет?

Клестовский тут же поднялся и, хрустя солёным огурцом, закивал головой.

– Девчонки, а вы пока отца покормите.– Сергей вспомнил, что не познакомил отца с девушками.– Пап, это Наталья и Оксана. А это мой отец Александр Викторович. Мы скоро.

Развернувшись спиной к костру, Сергей шагнул в темноту. Клестовский устремился за ним, всё ещё дожёвывая огурец.

Помня, как чуть не упал, отходя от костра в первый раз, Сергей шёл осторожно, глядя себе под ноги и, хотя было почти ничего не видно, глаза постепенно привыкали к темноте после яркого света костра. Спустившись метров на двадцать в сторону, в которой ещё недавно был сад, Сергей остановился и, прислонившись плечом к дереву, прислушался. Сзади и чуть справа, мыча под нос какую-то мелодию, журчал Клестовский, и больше никаких звуков, напоминающих присутствие человека, он не услышал. Даже девушки на горке молчали. Но вот отец

что-то спросил, и Сергей услышал, как Наталья своим приятным, бархатным голосом стала что-то рассказывать. Говорили они негромко, и слов разобрать с такого расстояния он не мог, но, просто слыша любимый голос, Сергей улыбнулся.

– Ты чё дерево подпираешь?– Клестовский ткнул его кулаком в плечо.– Пошли обратно. К Оксане хочу.

– Подожди.– Сергей продолжал смотреть вперёд, туда, где просто обязан был находиться коллективный сад с красивым названием «Уралочка», в котором он сегодня целый день вместе с матерью копался на огороде.

Но перед ним был только лес. Сад, площадь в несколько гектаров, каким-то волшебным образом исчез.

– Серёга, а чё сады с другой стороны?– Клестовский смотрел туда же.– Я думал с этой. Вроде не пьяный ещё.

Сергей посмотрел на друга. В темноте лицо Клестовского было плохо видно, но глаза смотрели спокойно, чуть осоловелые от выпитой водки, без каких-либо признаков беспокойства.

– Правильно думал,– вполголоса сказал Сергей.– Там сады.

Он снова посмотрел вперёд и добавил:

– Были.

– Что значит были?– глаза Клестовского прояснились.– Ты чё, чиканулся, что ли?

Сергей промолчал, и Клестовский стал крутить головой, вспоминая, как они поднимались вечером на горку. От подножия горы шли всё время вверх и влево, костёр сейчас был прямо над ними, значит, они поднимались именно по этому склону и выходит, что сады должны быть там, куда смотрит Сергей. Но их там не было.

– Серёга, кончай прикалываться.– Андрей тронул друга за плечо.

– Да не прикалываюсь я.

Тон, с каким Сергей произнёс это, сразу же убедил Клестовского, что друг не шутит.

– Может, ты попутал что?– Клестовский задал вопрос, хотя сам отлично знал на него ответ.

– Отец приехал вчера вечером, то есть уже ночью, на последней электричке, потом что-то с ним случилось, он потерял сознание. Очнулся уже утром и целый день блуждал по лесу.

– Может, заблудился?

– Где? Здесь? Там река, тут сады, за ними железная дорога.

– Нет здесь никаких садов!– Андрей непроизвольно повысил голос.

– Не ори,– тут же осадил его Сергей.– Вот именно, нету садов и, по-моему, ничего нету.

Клестовский снова стал крутить головой из стороны в сторону.

– Ни хрена не понимаю.

– Аналогично,– ответил Сергей уже не пытаясь увидеть что-нибудь кроме леса.– Ладно, пошли обратно. Только девчонкам ничего пока не говори.

Оттолкнувшись плечом от дерева, Сергей медленно стал подниматься к горящему на горке костру.

– Серёга, может, действительно сады с другой стороны?– Клестовский схватил его за руку.– Пойдем, глянем.

Сергей повернулся к другу и уже открыл рот, чтобы ответить, но тут громкий визг в два девичьих голоса разорвал темноту. Громко выругался отец, и секундой позже и визг, и ругань заглушил мощный звериный рёв, который своей злобой буквально шевелил волосы на голове.

Одним движением выхватив из сапога нож, Сергей выдернул свою руку у держащего её испуганного и поэтому цепкого Клестовского, и кинулся на горку. Каким-то чудом он ни разу не споткнулся, хотя смотрел только вверх, на освещённого костром отца, стоявшего с поднятой для удара бутылкой пива в руке.

Напротив него, боком к бегущему Сергею, скалился огромный волк.

Волк не отрываясь смотрел на стоящего перед ним дядю Сашу, за спиной которого, прижавшись друг к другу, визжали девчонки, и, казалось, не замечал бегущего Сергея, но уши всё-таки вздрогнули, когда под ногой у парня хрустнула ветка. Увидев, как волк присел на задние лапы, Сергей понял, что не успеет пробежать оставшиеся несколько метров, и, чтобы отвлечь зверя громко свистнул. Волк мгновенно повернул огромную башку в его сторону, и тут же об неё с глухим звоном разбилась бутылка, сильно и точно брошенная отцом. Оглушительно взревев, волк замотал головой, стряхивая пивную пену и застрявшие в густой шерсти осколки. Воспользовавшись тем, что зверь оглушён ударом, Сергей преодолел последние два с половиной метра одним прыжком и, вложив в удар всю массу своего девяностокилограммового тела, опустил наборную рукоятку ножа на место соединения мускулистой шеи с огромным черепом. Мощные лапы зверя подкосились, и человек и волк покатались в темноту, больно ударяясь о камни. Прокатившись несколько метров по довольно крутому с этой стороны от вершины склону, они остановились, сильно ударившись о дерево. У Сергея от удара потемнело в глазах, и он пару секунд ничего не соображал, продолжая крепко прижимать к себе воняющую псиной тушу. Волку повезло меньше. Он со всего маху ударился о дерево головой. Удар был настолько сильный, что кости не выдержали, раздался тихий треск, и ствол дерева окрасился красно-серым. Сергей, потихоньку приходя в себя, разжал руки и откатился от бьющегося в последней агонии зверя.

Когда через несколько секунд, с поленом в руках, подбежал отец, а за ним, с пустыми руками, Клестовский, волк уже затих. Сергей сидел на земле и пучком травы вытирал руку от крови.

– Ты в порядке?– отец, увидев, что зверь мёртв, присел рядом, всё ещё сжимая в руках полено.

– В порядке,– ответил Сергей отбрасывая грязную траву и тут же вырвал ещё один пучок.– Об него замарался.

– Здоровая собака.– Клестовский, который не успел увидеть волка, когда тот был жив, и поэтому не шибко испугался, стоял около трупа и пихал его ногой.

– Андрюха,– окликнул его Сергей.– Там нож где-то должен быть, посмотри.

Клестовский нагнулся, пытаясь в темноте рассмотреть блеск металла.

– Серёжа!– услышали мужчины взволнованный голос Натальи.

Сергей поднялся, отбросил пучок травы, которым вытирал руку, и пошёл к стоящей у костра испуганной девушке.

Дядя Саша подошёл к Клестовскому, который, светя себе зажигалкой, осматривал траву и камни вокруг мёртвого волка. Похлопав Андрея по плечу, он молча указал на рукоятку ножа, торчащую из-под левой лопатки лежащего у него под ногами зверя. Клестовский присел на корточки и, покрепче ухватившись правой рукой, резко дёрнул на себя. Нож вышел неожиданно легко, и Клестовский, не ожидавший этого, опрокинулся на спину, не забыв в полголоса выругаться.

– Дядя Саша, откуда он взялся?– спросил Клестовский, поднимаясь.

– Из леса вышел, откуда ещё,– устало проговорил отец Сергея.– Пошли, только нож вытри.

Клестовский несколько раз сильно вогнал нож в землю по самую рукоятку, счищая с лезвия волчью кровь, потом ещё раз пихнул труп ногой и направился к костру, возле которого Сергей тщетно пытался успокоить девушек. Андрей, не представляя как помочь другу в этом непростом деле, вытащил сигарету и присел около огня.

– Водка ещё есть?– тихо спросил его дядя Саша.

Клестовский молча кивнул.

– Налей им по полстакана,– дядя Саша кивнул на девушек.

Андрей пододвинул к себе одну из сумок, запустил туда руку и вытащил нераспечатанную бутылку «Русского размера». Дядя Саша, подождав пока он свернёт пробку, подставил стакан, и Клестовский набулькал половину. Подойдя к Сергею, отец бесцеремонно отодвинул его от Натальи, которая что-то нервно говорила, и поднёс стакан к её губам.

– Ну-ка, быстро, залпом,– негромко, но жёстко сказал он.

Наталья замолчала и недоумённо уставилась на него.

– Ну!– дядя Саша повысил голос и даже слегка топнул ногой.

Опешившая девушка, испуганно глядя в строгое лицо дяди Саши, взяла стакан и выпила, как будто в нём была не водка, а вода. Забрав у Натальи пустой стакан, дядя Саша подставил его Клестовскому, который уже стоял рядом, и тот тут же наполнил его снова. На Оксану прикрикивать не пришлось. Она молча выпила водку и отрешённо стала жевать кружочек солёного огурца.

– Тебе тоже?– спросил отец у Сергея.

Тот, усевшись рядом с Натальей, кивнул головой. Пока отец с Клестовским наливали водку, Сергей достал сигарету и, чиркнув зажигалкой, прикурил. Взяв стакан, поданный отцом, он маленькими глотками выпил водку, с удовольствием ощущая, как она легко проскальзывает внутрь, обжигая и успокаивая одновременно. Шумно выдохнув, Сергей не стал закусывать, а просто затянулся сигаретой.

– Давай и мы тоже остограммимся,– облегчённо вздохнул дядя Саша, в очередной раз протягивая стакан Клестовскому.

Они выпили по очереди, тоже молча и тоже не закусывая, каждый затянулся по паре раз сигаретой Клестовского. Андрей плотно закрутил бутылку пробкой и убрал её обратно в сумку, на что дядя Саша незаметно кивнул головой.

Несколько минут все молчали, постепенно приходя в себя. Девушки, с которых выпитая водка немного сняла испуг, и предотвратила истерику, тихонько сидели рядом и смотрели на мужчин, которые курили, глядя на разгоревшийся пенёк.

– Может, домой пойдём,– наконец нерешительно предложила Оксана.

Мужчины молча переглянулись.

– Они ещё ничего не знают,– ответил Сергей на молчаливый вопрос отца.– Нету, Оксана, дома. Идти некуда.

Девушки недоумённо уставились на него.

– Да нет, я с ума не сошёл.– Сергей вздохнул.– Не знаю как, но всё исчезло. И сады, и железная дорога, и вообще всё.

– А люди?– тихо спросила Наталья.

– Видимо, и люди тоже.– Сергей обнял её за плечи.

Отец выбросил в костёр бычок, шумно выпустил дым и сказал:

– По-моему, всё не так,– он немного помолчал, собираясь с мыслями.– По-моему это мы исчезли.

8

– Ну что, ухайдакали твоего любимца. Вёрткие ребята попались.

У самого подножия горы, на которой горел костёр, на том месте, где ещё недавно был дом председателя, среди огромных папоротников стояли две еле заметные фигуры. Даже в темноте нельзя было не заметить, насколько они противоположны. Тот, который говорил, был очень маленького роста, с огромным горбом на спине, длинными уродливыми руками и большой непропорциональной головой. Тело, высотой примерно сантиметров восемьдесят, было похоже на пивной бочонок, из которого торчали короткие кривые ножки с большими шестипалыми ступнями.

Второй, наоборот, был огромного, за два метра роста, с идеально сложенной фигурой. Даже слишком идеально. Широкие покатые плечи, мускулистые руки, развитый торс, длинные мощные ноги. Голова тоже была нормальной, но вот глаза горели диким жёлтым огнём.

– Дальше что?– спросил горбун, непрерывно переступая своими кривыми ножками.

– Не шурши,– тихо бросил большой, не переставая смотреть на вершину горы, с которой доносился приглушённый разговор.

– А-а, люди всё равно не смогут услышать с такого расстояния,– ответил горбун, но сучить ногами перестал.

– Услышать не услышит, а почувствовать сможет,– гигант опустил голову и посмотрел на своего спутника.– Который из них?

– Тот, кто убил Актобо.– карлик ехидно хрюкнул.– А какого хрена он туда полез? Ясно же было сказано – не трогать пока. Собака переросшая.

Гигант чуть нагнулся и схватил горбуна за длинную уродливую руку. Лёгким поворотом широкой ладони он вывернул конечность из сустава и легко оторвал её.

– Ты чего делаешь?– зашипел на него горбун.– Совсем рехнулся что ли? А ну отдай.

– Пасть закрой,– гигант бросил оторванную руку под ноги карлику,– Ещё чего-нибудь вякнешь – башку отверну.

Горбун проворно подобрал свою конечность и, приставив её на место, сильно вдавил в открытую рану. Несколько секунд слышался какой-то треск и хлюпанье, затем всё стихло, и горбун снова стал двуруким. Покрутив только что приросшей рукой и так и эдак, он остался доволен и снова начал ворчать, но так тихо, что слов разобрать было нельзя.

Гигант, не обращая больше никакого внимания на своего беспокойного спутника, продолжал смотреть на гору.

– Слушай,– горбун снова подошёл к неподвижному гиганту.– По-твоему они уже поняли, что мы их того – переместили?

– Трудно было бы не понять,– гигант даже не повернул головы.

– Но у них нет таких чувств, как у нас. Они же не могут унюхать, что здесь даже воздух другой. И вообще, люди такие тупые. Пока мордой в дерьмо не ткнутся, всё думают, что это розы.

– У него есть чувства, только он о них не знает, и если ты не заткнёшься, он точно нас учует,– в голосе гиганта вновь шевельнулась угроза.

– Ну и что он сделает?– карлик не обратил на это внимания,– Сбежать он не сможет – некуда. Лонаки всё равно его найдут, даже если он под землю зароется. Найдут и сожрут.

– Он нужен живой.

– А зачем ты тогда Актобо туда послал, если он живой нужен?– карлик снова засучил ножками.

– Если бы Актобо его убил, то значит это не тот человек, который нам нужен.

– Так ты его просто проверил, да?– карлик казался удивлённым.– Допроверялся, одного из лучших бойцов потеряли.

– Акуан, замолкни,– гигант начал терять терпение.

– Замолкни, замолкни,– горбун длинно сплюнул светящейся слюной.– Жрать я хочу, ты ж меня от обеда оторвал.

Гигант резко повернулся и, правой рукой схватив карлика за голову, легко поднял его на уровень своих плеч. Горбун что-то испуганно забубнил, но его большой рот был закрыт широкой ладонью, и сказать толком ничего не удалось. Гигант рывком сжал пальцы, и голова горбуна треснула с отвратительным чпоканьем. По шее вниз потекла зелёная жидкость, заменявшая уроду кровь. Подержав карлика несколько секунд на весу, гигант лёгким движением руки отбросил его в сторону и, повернувшись, медленно и бесшумно двинулся вдоль подножия горы, безошибочно обходя стоящие на пути деревья.

Акуан, ударившись раздавленной головой об ствол огромной сосны, упал на землю, но тут же начал неуклюже подниматься на свои кривые ножки. Зелёная кровь уже перестала идти из продавленного сильными пальцами гиганта черепа, да и сам череп с лёгким треском восстанавливался в свою привычную уродливую форму. Подождав пока треск в башке закончится, горбун постучал себя кулаком по затылку и, убедившись, что голова снова в порядке, быстро засеменил вслед за своим обидчиком, что-то бормоча себе под нос.

9

– По-моему, это мы исчезли.

Клестовский поперхнулся сигаретным дымом и сильно закашлялся, отвернувшись в сторону. Остальные просто уставились на дядю Сашу.

Дядя Саша молча смотрел на пламя костра, давая возможность ребятам самим додуматься до того, что он сам уже понял.

– Значит, тот мир, к которому мы привыкли, остался на месте, а мы каким-то образом переместились сюда?– спросил Сергей.

– Куда сюда?– задыхаясь после приступа кашля, просипел Клестовский.

Сергей пожал плечами.

– По-моему, это тот же лес, только в другое время,– дядя Саша поднялся и стал осматриваться по сторонам.– Или в другом измерении.

– А волк?– спросил Сергей, и все посмотрели в ту сторону, где лежал убитый зверь.

– Что волк?– отец поправил пиджак и снова сел на камень.

– Он тоже сюда, как мы, попал или это местный житель?

– Нет, скорее всего, он местный. Я видел его сегодня утром, когда очнулся. Но тогда он был настроен более дружелюбно,– отец немного помолчал.– Утром я его просто не заинтересовал.

– Может, он утром был не голодный.– Сергей нагнулся и подбросил в костёр ещё пару поленьев.

– Может быть,– согласился дядя Саша.– Только по-моему он просто не знал ЧТО перед ним. Я думаю, людей он ещё не видел.

– И он собирался прыгать на вас через огонь,– задумчиво произнёс Сергей.

– Да и сам волк какой-то не такой,– подал голос Клестовский.– Вы не заметили? Какой-то он слишком большой.

Наталья вдруг сбросила руку Сергея со своих плеч и вскочила.

– Вы что тут, рехнулись все?!– она гневно откинула с лица прядь волос.– Тут волки по лесу бегают, а они сидят какую-то фантастику обсуждают! – Наташа.– Сергей поднялся и снова попытался обнять девушку.

Та снова сбросила его руку.

– Что Наташа?! Не считайте нас идиотками!– она стала нервно застёгивать телогрейку,– Всё, я иду домой!– Наталья резко повернулась к Сергею,– Ты нас проводишь?!

– Я бы с удовольствием, но идти-то некуда.

– Ах, с удовольствием!

– Наташа, подожди, послушай.

– Хватит!– девушка распялась всё больше и больше.– Мне надоели эти дешёвые розыгрыши! Я иду домой!

– Нет, не хватит!– дядя Саша поднялся и вплотную подошёл к Наталье,– Ну-ка, девочка, сядь на место и успокойся.

Наталья что-то хотела сказать, но дядя Саша опередил её.

– Розыгрыш, говоришь? А волка мы для этого розыгрыша из зоопарка напрокат взяли и выдрессировали. В цирке наняли фокусника, и он от нас всё спрятал в свой волшебный сундучок. И железную дорогу, и сады, и людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.